

РЕФОРМЫ

Война с Казанью наложила печать на ход преобразований в России. Мирная пауза, длившаяся с весны 1548 г. до конца 1549 г., оживила деятельность реформаторов. Церковное руководство опередило светскую власть. В 1549 г. митрополит Макарий провел второй собор, пополнив список общерусских святых новыми именами.

Представление, будто у истоков перемен стояло дворянское правительство, едва ли верно. Сколь бы значительны ни были перестановки в правящих верхах, не они определили ход и направление преобразований.

Москва завершила объединение русских земель в конце XV — начале XVI в. Управлять обширным государством с помощью архаических институтов и учреждений, сложившихся в мелких княжествах в период раздробленности, оказалось невозможно. Любое правительство должно было рано или поздно начать перестройку институтов государственного управления.

Такие реформаторы, как Адашев или Висковатый, были обязаны карьерой не только милостям государя, но еще больше удачной службе в приказах — новых органах центрального управления.

Адашев служил в Казенном приказе, где получил думный чин казначея. Боярская дума раскрыла перед ним свои двери.

Порожденная процессом политической централизации, высшая приказная бюрократия не случайно стала проводником идеи преобразования государственного аппарата. Адашевский кружок осуществил эту идею на практике. Реформы явились важной вехой в политическом развитии страны. В кремлевские терема пришли новые люди. Знакомство с ними составило целую эпоху в жизни Ивана. Перед Иваном раскрылись неведомые ранее горизонты общественной деятельности. Приближалась пора зрелости. Скрытая неприязнь царя к «великим боярам» получила новую пищу и новое направление.

Реформаторы впервые заявили о себе после созыва так называемого «собора примирения» 1549 г. Помимо Боярской думы и церковного руководства, на этом совещании присутствовали также воеводы и дети боярские. Выступая перед участниками собора, 18-летний царь публично заявил о необходимости перемен. Свою речь он начал с угроз по адресу бояр-кормленщиков, притеснявших детей боярских и «христиан», чинивших служилым людям обиды великие в землях. Обличая злоупотребления своих вельмож, Иван возложил на них ответственность за дворянское оскудение.

Критика боярских злоупотреблений, одобренная свыше и как бы возведенная в ранг официальной доктрины, способствовала пробуждению общественной мысли в России. Настала неповторимая, но краткая пора расцвета русской публицистики. Прожектеры приступили к обсуждению назревших проблем преобразования общества. Одним из самых ярких публицистов той поры был Иван Семенович Пересветов. Он родился в Литве в семье мелкого шляхтича и исколесил почти всю Юго-Восточную Европу, прежде чем попал на Русь. Уцелевшие члены семибоярщины еще располагали в то время некоторым влиянием в Москве. Один из них, Михаил Юрьев, обратил на Пересветова внимание после того, как ознакомился с его проектом перевооружения московской конницы щитами македонского образца. (Как видно, обстановка не благоприятствовала составлению более широких преобразовательных проектов.) Как бы то ни было, Пересветов заручился поддержкой Юрьева и устроил свои материальные дела. После смерти покровителя приезжий дворянин впал в нищету. Наступивший период боярского правления стал в глазах Пересветова олицетворением всех общественных зол, которые губили простых «воинников» и грозили полной гибелью царству.

Проведя многие годы в бедности, Пересветов мгновенно оценил благоприятные возможности, связанные с наметившимся поворотом к реформам. Улучив момент, прожектёр подал царю свои знаменитые челобитные. Простой «воинник» оказался одним из самых талантливых писателей, выступив-

ших с обоснованием идеологии самодержавия. Не смея прямо критиковать московские порядки, что было делом небезопасным, Пересветов прибегнул к аллегориям и описал в качестве идеального образца грозную Османскую империю, построенную на обломках греческого царства. Православное греческое царство царя Константина, рассуждал публицист, погибло из-за вельмож, из-за «ленивых богатинов», зато царство Магомет-Салтана процветает благодаря его «воинникам», которыми он «силен и славен». Воззрения Пересветова поражали современников своей широтой, в некоторых отношениях он обгонял свое время. Публицист писал, что о поступках людей надо судить по их «правде», ибо «Бог не веру любит, а правду». Он призывал освободить «похолопленных» воинов. «Которая земля поработана, — замечал писатель, — в той земле зло сотворится... всему царству оскудение великое».

По мнению Пересветова, только вольная служба воинов делает царское войско боеспособным: «В котором царстве люди поработаны, и в том царстве люди не храбры и к бою не смелы против недруга: они бо есть поработаны, и тот срама не боится, а чести себе не добывает, а рече тако: “Хотя и богатырь или не богатырь, однако есми холоп государев, иного имени не прибудет”». Смысл приведенной речи Магомет-Салтана таков: «воинник» не должен быть холопом ни у кого, даже у государя. Поработанным «воинникам» надо вернуть свободу.

Едва ли можно назвать Пересветова идеологом дворянства. Дворянское сословие было по преимуществу сословием землевладельцев. Пересветов же обходил полным молчанием вопрос о земельном обеспечении служилых людей. Между тем именно этот «великий вопрос» более всего волновал дворянство.

Пересветов описывал как образцовую военную организацию Магомет-Салтана. Но при ближайшем рассмотрении его идеал некоторыми чертами напоминает наемное войско Западной Европы. Публицист предполагал, что «воинников» (как и наемных солдат) достаточно обеспечить жалованьем. Необходимые денежные средства можно получить от горожан при ус-

ловии введения твердых цен на городских рынках. Как иностранцу Пересветову осталась чуждой московская военно-служилая система, основанная на принципе обязательной службы дворян с земли.

Публицист советовал царю быть щедрым к «воинникам» («что царская щедрость до воинников, то его и мудрость») и призывал «грозу» на голову изменников-вельмож. Он смело протестовал против боярского засилья в России. Дерзкие обличения по адресу высших сановников государства — бояр — неизбежно привели бы безвестного шляхтича в тюрьму или на плаху, если бы за его спиной не стояли новые покровители — партия реформ. Молодой Иван IV стал своего рода рупором нового направления.

В 1549 г. «собор примирения» принял решение о том, чтобы исправить Судебник «по старине». Приказы приступили к делу немедленно, и к июню 1550 г. работа была завершена.

В России управление и суд не были разделены и осуществлялись одними и теми же лицами — боярами и волостелями. В суде процветали взяточничество и произвол. Царский Судебник должен был положить конец таким порядкам: «А судом не дружити и не мстити никому, и посула в суде не имати. Также и всякому судье посула в суде не имати». Закон устанавливал наказание для всех чиновников, уличенных во взятках.

До принятия Судебника запутанные дела, зашедшие в тупик, могли завершиться «полем», то есть поединком спорящих сторон. Кто побеждал в бою, тот и считался правым по принципу «Бог правду любит». Новый свод законов ограничивал устаревший порядок.

Средневековое судопроизводство исходило из того, что признание служит достаточным доказательством преступления. Если подсудимого обвиняли в государственной измене, в ход пускали кнут и дыбу. пытки помогали получить необходимое признание.

Судебник защищал «честь» любого члена общества, но штрафы за бесчестье были неодинаковыми. Обидчик должен

был платить за бесчестье купца 50 руб., посадского человека — 5 руб. Бесчестье крестьянина оценивалось в 1 руб.

Судебник устанавливал порядок законодательства в России «с государева доклада (дьяки докладывали дело царю) и с приговора всех бояр» (Боярская дума утверждала закон на своем заседании).

Составители Судебника не внесли изменений в те законы государства, которые определяли взаимоотношения землевладельцев и крестьян. Нормы Юрьева дня были сохранены без больших перемен. Крестьяне по-прежнему могли покинуть поместье в течение двух недель на исходе осени.

Свое внимание законодатели сосредоточили на устройстве управления. Новый Судебник ускорил формирование приказов, расширил функции приказной бюрократии, несколько ограничил власть наместников-кормленщиков на местах. Новые статьи Судебника предусматривали неременное участие выборных земских властей — старост и «лучших людей» — в наместничьем суде.

Кто был инициатором начавшихся преобразований? Называют имена разных лиц: митрополита Макария, Сильвестра, Адашева, наконец, самого царя. Судить об этом можно на основании одной из первых реформ. Она имела целью упорядочение местничества.

Военный опыт России подсказал властям, что местничество не отвечает требованиям времени. Назначения на высшие воеводские посты по принципу «породы», «отчества» (знатности. — *Р.С.*) приводили на поле брани подчас к катастрофическим последствиям. Однако местничество ограждало привилегии верхов правящего слоя, и Боярская дума слышать не желала об упразднении местнических порядков. Чтобы преодолеть традицию и добиться послушания от думы, власти решили использовать авторитет церкви. В конце 1549 г. Макарий прибыл во Владимир, где находился Иван IV с полками, и обратился к воинству со словами: «А государь вас за службу хочет жаловати, и за отчество беречи, и вы бы служили... а розни бы и мест никако же межю вас не было...» Упоминание о

бережении «за отечество», или породу, должно было успокоить знатных воевод.

Месяц спустя власти утвердили приговор о запрещении местнических тяжб на время похода. Царь обещал рассмотреть все споры по возвращении из-под Казани.

Приговор 1549 г. невозможно считать реформой. Он оставлял местнические порядки в неприкосновенности. Настоящие реформы начались в 1550 г., когда на свет появились новые законы. Отныне царь мог назначать в товарищи к главнокомандующему, непременно самому «породистому» из бояр, менее знатного, но зато более храброго и опытного воеводу. Местничать с ним воспрещалось.

Первым, кто воспользовался новым законом, был отец Алексея Адашева Федор. Весной 1551 г. он получил пост третьего воеводы в большом полку боярина Семена Микулинского, посланного строить крепость в Свияжске. Пересветов предлагал полностью отменить местничество. Алексей Адашев довольствовался тем, что было в пределах возможного.

В реформе местничества борьба за расширение сословных привилегий дворянства сочеталась с интересами карьеры семейства Адашева.

В глазах Алексея Адашева первые преобразования имели особую цену. Недаром перед самой отставкой он воскресил в памяти свой успех и не к месту включил отчет о реформе в последние тома летописи, над которыми тогда работал. «А воевод, — писал он, — государь прибирает, разсуждая их отечество и хто того дородитца, хто может ратной обычай сдержати». Рассуждения Адашева были далеки от радикальных требований Пересветова о полном искоренении местничества. Его реформы сохранили неизблемыми местнические порядки и лишь внесли в них поправки.

В связи с упорядочением административной и военной службы правительство предполагало отобрать из знати и дворянства тысячу «лучших слуг» и наделить их поместьями в Подмоскovie. Будучи поблизости от столицы, «лучшие слуги» в любой момент могли быть вызваны в Москву для ответ-

ственных служебных поручений. Подготавливавшаяся реформа должна была приобщить цвет дворянства к делам управления.

В соответствии с царским указом постоянную службу в столице должны были нести более 600 «лучших слуг» из московских городов и более 300 помещиков из Новгорода и Пскова. Новгородские помещики, зачисленные в «лучшую тысячу», обладали привилегией проходить службу в столице по дворовым спискам. В какой мере они могли воспользоваться этой привилегией, трудно сказать. Дворовая служба всегда была службой при особе государя и требовала присутствия дворянина в царствующем граде. Служить в Москве новгородцам мешала отдаленность их города, плохое состояние дорог и война в Прибалтике, поглощавшая все силы новгородского ополчения.

В целях укрепления вооруженных сил правительство Адашева приступило к организации постоянного стрелецкого войска и сформировало трехтысячный стрелецкий отряд для личной охраны царя. Стрелецкие войска зарекомендовали себя с лучшей стороны в военных кампаниях ближайших лет.

Участие в Казанской войне оказало, быть может, самое глубокое влияние на формирование личности Грозного. Война не позволяла самодержцу отгородиться от жизни. Со старыми привычками пришлось расстаться. Государь не приказывал больше разгонять челобитчиков или палить им бороды.

В дни третьего Казанского похода в лагере под Коломной заволновались новгородские дети боярские: «Многу же несогласию бывшу в людех, дети боярские ноугородцы государю стужаючи, а бият челом», требуя, чтобы их распустили по домам.

Войска отправлялись в поход, не имея при себе обозов с продовольствием. Новгородские помещики были вызваны в Москву весной, и к исходу лета у них кончились запасы. Нужда подрывала боеспособность конного ополчения.

Власти были в затруднении: «Государю же о сем не мала скорбь, но веля бысть, еже так неудобно вешают». Монарх усвоил некоторые навыки управления. Он принял челобитные от детей боярских, «такоже велит и о нуждах вспросити, да и

вперед уведает государь всех людей своих недостатки». Челобитчики стали жаловаться на то, что оскудели землями — «многие безпоместные».

Волнения новгородцев показали царю, сколь важно обеспечить помещиков землями. Фонд государственных поместных земель был давно исчерпан, и власти поневоле обратили взоры в сторону церкви.

В 1551 г. митрополит Макарий взялся за «церковное устройство». Новое руководство использовало момент, чтобы взять инициативу в свои руки. Едва высшее духовенство собралось на совет (собор), монарх передал им свое «рукописание» — заранее подготовленные вопросы. Пока дьяки зачитывали царские вопросы, Иван сидел «на царском своем престоле, молчанию глубокому устроившуся». Реформаторы рассчитывали повернуть работу Священного собора в нужное русло и соединить земское устройство с «многообразным церковным исправлением». Собор изложил свои решения в ста пунктах, или главах, отчего получил наименование Стоглавого собора.

Собор стал важной вехой в истории русской церкви, так как его решения ускорили процесс консолидации духовенства как особого сословия. Реформа не ослабила зависимости епископата от царской власти.

«Царские вопросы» к Стоглавому собору показывают, сколь глубоко захвачен был Иван IV преобразовательным течением. Споры, рожденные проектами реформ, и первые попытки их осуществления стали той практической школой, которой так недоставало Ивану. Они шлифовали его пытливый от природы ум и формировали его как государственного деятеля.

По крайней мере пять царских вопросов были посвящены теме, которой власти придавали исключительное значение: как возратить в казну выбывшие «из службы» земли и обеспечить поместьями оскудевших дворян. Аргументируя необходимость земельного «передела», Иван указывал на то, что в годы боярского правления многие бояре и дворяне обзавелись землями и кормлениями «не по службе», а другие оскудели:

«у которых отцов было поместья на сто четвертей, ино за детьми ныне втрое, а иной голоден». Обращаясь к митрополиту, царь просил рассмотреть, каковы «вотчины и поместья и кормления» у бояр и дворян и как они «с них служили», и приговорить «недостальных как пожаловати».

Проекты «землемерия» приобрели широкую популярность в среде дворянства. Земельные богатства духовенства давно возбуждали зависть у светских землевладельцев. В центральных уездах страны монастыри успели завладеть многими землями. Ни в одной стране, писали иностранцы, не было такого количества монастырей и монашествующей братии, как в России того времени.

На Стоглавом соборе правительство открыто поставило вопрос о дальнейших судьбах монастырского землевладения. Государь обратился к членам собора с многозначительным вопросом: «Достойно ли монастырям приобретать земли?»

Покушение на имущество церкви натолкнулось на решительное противодействие осифлян (иосифлян). Так называли себя последователи Иосифа Санина, игумена Иосифо-Волоколамского монастыря. Иосиф был сторонником могущественной и богатой церкви. Противоположного взгляда на предназначение монашества придерживался Нил Сорский, вождь нестяжателей. Последователями Нила были Артемий и другие старцы из заволжских скитов. Они жили в пустынях, разбросанных в глухих лесистых местах вокруг Кирилло-Белозерского монастыря.

Нил Сорский и его последователи учили чернецов жить «нестяжательно», не владеть имуществом и кормиться своим «рукоделием». Нестяжатели допускали известную свободу в толковании Священного Писания и отвергали методы инквизиции. Они с сомнением отнеслись к реформе, проведенной Макарием, и не верили в «новых чудотворцев».

В середине XVI в. появились церковные сочинения, излагавшие взгляды Нила Сорского на монастырские богатства. Автор одного из таких сочинений, озаглавленного «Письмо о нелюбках», утверждал, будто в 1503 г. Нил потребовал от Свя-

щенного собора, «чтобы у монастырей сел не было». Такое истолкование слов Нила отвечало видам светской власти.

В 1551 г. Иван IV рассчитывал провести земельную реформу, опираясь на авторитет Артемия и других заволжских старцев. Если бы Артемий истолковал учение Нила Сорского в том же духе, что и автор «Письма о нелюбках», власти получили бы в свои руки мощное средство давления на членов собора. Но Артемий не склонен был искажать воззрения Нила в угоду властям предрежающим. Позже он говорил на суде: «Все ныне съгласно враждуют, будтось аз говорил и писал тебе села отнимати у монастырей... а оттого мню, государь, что аз тебе писал на собор, извещая разум свой, а не говаривал есми им о том, ни тебе не советую нужению и властью творити что таково». Подобно учителю, Артемий отвергал мысль о насильственном отчуждении земель у монастырей и всецело полагался на то, что иноки осознают греховность своего жития и передадут села царю по доброй воле. Позиция заволжских старцев разочаровала Ивана и его окружение.

Реформаторам удалось лишь частично осуществить свои замыслы. В мае 1551 г. был издан указ о конфискации всех земель и угодий, переданных Боярской думой епископам и монастырям после смерти Василия III. Закон запрещал церкви приобретать новые земли без доклада правительству. Задавшись целью воспрепятствовать выходу земель «из службы», власти ввели некоторые ограничения в отношении княжеско-вотчинного землевладения. Князьям воспрещалось продавать и отказывать свои вотчины в пользу церкви без особого на то разрешения. Земли, уже переданные монастырям без доклада, подлежали конфискации для последующей раздачи в поместье.

Власти искали всевозможные средства для того, чтобы пополнить фонд государственной собственности. Они не осмелились применить в Московской земле новгородский опыт экспроприации боярщин, но пытались использовать в интересах казны процесс разложения и распада крупного княжеско-боярского землевладения.

В 1551 г. власти подтвердили традиционный порядок отчуждения родовых княжеских вотчин. Приговор гласил: «А Суздальские князи, и Ярославские князи, да Стародубские князи без царева и великого князя ведома вотчин своих мимо вотчичь не продавати никому же, и в монастыри по душам не давати». Правительство заявило о своем намерении взять под контроль все сделки на наследственные владения Суздальских, Ярославских и Стародубских князей. Любое отступление от этого принципа влекло за собой отчуждение княжеской вотчины в казну: «А кто вотчину свою без царя и великого князя ведома чрез сесь указ кому продаст, и у купца деньги пропали, а вотчичь вотчины лишен». Конфискованные вотчины надлежало забрать на государя, «да те вотчины отдавать в поместье». Цель нового законодательства заключалась не в консервации удельной старины, как полагают некоторые исследователи, а в расширении фонда государственной земельной собственности, опоры всей военно-служилой системы Московского государства.

Осуществление нового земельного законодательства позволило правительству несколько пополнить фонд поместных земель за счет церковных и отчасти княжеских вотчин. И все же основные земельные богатства монастырей остались нетронутыми. Церкви удалось отстоять земельные владения, но она должна была поступиться значительной частью своих податных привилегий — «тарханов».

Со времен раздробленности обладатели «тарханов» — знать и князья церкви — не платили в казну податей с принадлежавших им земель. Приступив к реформам, власти задались целью ограничить действие «тарханов». Царский Судебник предписывал «тарханных вперед не давати никому, а старые тарханные грамоты поимати у всех». Действие нового закона испытали на себе привилегированные землевладельцы и светского, и духовного чина.

Власти довершили реформу податного обложения, объявив о введении «большой сохи». Размеры этой окладной единицы определялись сословной принадлежностью землевладельца.

Черносошные (государственные) крестьяне оплачивали соху в 500, церковные феодалы — в 600, служилые землевладельцы и дворец — в 800 четвертей «доброй земли». Таким образом, дворяне получили ощутимые налоговые льготы по сравнению с духовенством и особенно крестьянами.

Меры против «тарханов» подрывали систему податного иммунитета и шли навстречу требованиям дворянства.